

Куликова Людмила Викторовна

Сибирский федеральный университет,
Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 82А
info_ifiyak@sfu-kras.ru

Шатохина Софья Александровна

Сибирский федеральный университет,
Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 82А
sshatokhina@sfu-kras.ru

Региолекты русского жестового языка: мультимодальный электронный корпус (на материале коммуникативного пространства Восточной Сибири)*

Для цитирования: Куликова Л.В., Шатохина С.А. Региолекты русского жестового языка: мультимодальный электронный корпус (на материале коммуникативного пространства Восточной Сибири). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (4): 750–759. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.407>

Статья отражает некоторые результаты исследования вариативных особенностей русского жестового языка (РЖЯ) на территории крупного региона — Восточной Сибири. В работе анализируется современный социолингвистический ландшафт региональных вариантов жестового языка и описывается специфика его функционирования в таких субъектах Российской Федерации, как Красноярский край, республики Тыва, Хакасия и Иркутская область. Представляется основной научно-практический результат изучения региолектов РЖЯ в формате разработки электронного мультимодального корпуса жестового языка крупного региона России в объеме 600–800 жестов по каждой территории на основе маркирования наиболее частотных лексических единиц-жестов, совпадающих в субрегионах Сибири, а также семиотически дифференцируемых по выделенным территориям. Таким образом, в предлагаемом материале обобщается опыт проведения институционально-лингвистического мониторинга представленности РЖЯ в регионе и создания электронной платформы собранного корпуса жестов. Использование в общении особой знаковой системы, соотносимой с естественными человеческими языками, а именно жестового языка, реализуемого в визуальной модальности посредством кинетического канала коммуникации, рассматривается в данной работе как один из аналогов мультимодальной коммуникации. При этом термин «мультимодальность» применяется также в отношении формата платформы, который организован на основе нескольких каналов трансляции информации и проявляется в целостности работы различных технологических модулей. Новизна проведенного исследования заключается в аналитико-теоретическом и прикладном изучении недостаточно изученных и описанных вариантов русского жестового языка Восточной

* Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00321/21 «Региональные жестовые языки: мультимодальный электронный корпус (на материале коммуникативного пространства Восточной Сибири)».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Сибири, а также в возможности их лингвистического документирования на основе электронно-материальной фиксации.

Ключевые слова: русский жестовый язык, слово-жест, региональная вариативность, мультимодальность, каналы коммуникации.

Введение и теоретическое обоснование проблемы

Изучение мультимодальности человеческой коммуникации в современном лингвистическом контексте постепенно расширяет спектр объектов исследования: от наиболее традиционных — креолизованные тексты/дискурсы, невербальная семиотика, визуальная символика [Анисимова 2003; Детинко, Куликова 2017; Крейдлин 2002; Chernyavskaya, Kulikova 2020] — до менее известных и недостаточно разработанных, напрямую связанных с представлением о разных сенсорных модальностях [Kulikova, Shatokhina 2020; Магировская, Привалихина 2019; Прозорова 2007]. Так, новейшие работы последних десятилетий в области как зарубежного, так и отечественного языкознания убеждают профессиональное сообщество в полноценности двух основных видов естественных языков человечества — звуковых (чаще именуемых вербальными) и жестовых, являющихся основным средством общения глухих. Различия между ними определяют именно модальность коммуникации (слуховая или визуальная/зрительная) и канал как набор средств передачи и получения информации в процессе межличностного взаимодействия. Если вернуться к концепции мультимодального подхода к коммуникации, в рамках которого в целом рассматриваются задействованные совокупно в общении разные каналы (вербальный, просодический, кинетический/мануальный и др.), актуальным представляется изучение русского жестового языка, реализующегося в визуальной модальности через кинетический канал коммуникации. Обоснованность такого ракурса проблемы связана в том числе с интегрированным взаимопроникающим характером современного коммуникативного пространства, в котором одновременно face-to-face могут взаимодействовать как вербальные, так и жестовые языки.

Для дальнейшего терминологического и содержательного консенсуса представляется важным подчеркнуть, что само понятие «жестовый язык» часто идентифицируют, иногда даже и в среде специалистов, с термином «жестикуляция». Такое смешение легко объяснимо тем фактом, что в русском языке обозначение «жест» используется и для элементов жестикуляции как экспликации эмоциональности в разговоре, и для жестов-слов в жестовых языках (в этом смысле проще ориентироваться в рамках теории западной лингвистики, поскольку в английском языке *жест* как единица жестовой речи и *жест* как атрибут жестикуляции терминологически разграничены как *sign* и *gesture* соответственно). Кроме того, жестикуляция, в отличие от жестового языка, представляет собой вторичную систему, сопровождающую вербальный дискурс. При этом жест как основная знаковая кинетическая единица в жестовых языках является аналогом слова в звучащих языках, имея фиксированную форму и выражая понятие. Следует также отметить, что с самого начала изучения жестовых языков зарубежные и отечественные лингвисты сделали вывод о том, что эти языки, как и звучащие, различаются в разных странах и, более того, диалектально варьируются в разных регионах и даже территориях крупных регионов (Восточная Сибирь не исключение). Существует довольно боль-

шое количество работ по вариативности различных жестовых языков мира, например, исследования вариативности в контексте сопоставления жестов, используемых представителями разных поколений и в разных регионах на материале таких жестовых языков, как американский [Lucas et al. 2001], австралийский [Johnston, Schembri 2007], тайваньский [Chen, Tai 2009], бельгийский [Vanhecke, Weerdт 2004], южноафриканский [Penn, Reagan 1994], нидерландский [Schermer 2003].

Основной целью данной статьи является систематизация теоретико-эмпирического исследования региональных вариантов русского жестового языка на территории Восточной Сибири в формате мультимодального электронного корпуса. Дополнительно авторам этой работы хотелось бы привлечь внимание в целом к социолингвистическим и социальным факторам функционирования этого малоизученного и фактически не документированного языка в контексте объективной необходимости многоязычных и мультимодальных способов общения в современном мире.

Методология

Исходным методологическим посылом работы является положение (разработанное еще в теории Ф. де Соссюра [Saussure 1959]) о системности языка и других коммуникативных ресурсов, в соответствии с которым каждый знак существует и репрезентирует значение не в отдельности сам по себе, а только во взаимной связи всех элементов системы. В исследовании применяются методы социолингвистического мониторинга, основанного на анализе эмпирического знакового материала и статистического изучения социально-институциональной среды региона; семиотического анализа с описанием параметров жестов и их пространственной локализации; метод интервьюирования носителей региолектов жестового языка; методы цифровой фиксации, обработки и электронной презентации собранного корпуса данных.

Опыт социолингвистического и прикладного исследования региолектов РЖЯ

Экспликация опыта создания мультимодального корпуса региональных вариантов русского жестового языка позволяет выделить два основных этапа — теоретический и практический. К первичным теоретическим ориентирам следует отнести статистический социолингвистический анализ исследуемых регионов по фактору наличия в них носителей русского жестового языка и соответствующих формальных структур, составление словаря базового бытового лексикона. Практический этап включал подбор информантов, осуществление видеозаписи жестовых дискурсов и определение формата последующей электронной репрезентации собранного эмпирического материала.

Фактор носителей РЖЯ: социолингвистический абрис

Традиционно в прикладной и исследовательской сферах носители жестового языка дифференцируются на группы глухих и слабослышащих в соответствии с разными ограничениями по слуху [Боскис 2004]. К категории глухих относятся

люди с врожденной или приобретенной в раннем возрасте глухотой, освоение разговорной речи в таком случае невозможно. Канал восприятия у людей с подобными проблемами — зрительный. Слабослышащие обладают сниженной возможностью слухового восприятия, однако способны на самостоятельное овладение разговорной речью. В таких случаях можно говорить о фактически параллельно задействованных в общении звуковой и зрительной модальностях. В отдельную категорию относят так называемых позднооглохших, которые утратили возможность слухового восприятия в возрасте, когда речь уже была сформирована. Степень сохранности речи у позднооглохших может различаться.

Уровень владения жестовым языком зависит от того, в какой семье родился глухой или слабослышащий ребенок, поскольку для детей из семей глухих жестовый язык является главным средством коммуникации. Дети из семей слышащих, как правило, сталкиваются с жестовым языком только в специализированных учебных заведениях. В случае рождения у глухих родителей слышащего ребенка этот ребенок относится к CODA (слышащие дети глухих родителей). При этом жестовый язык усваивается ими во время общения с родителями, и такие дети приобретают статус билингов.

В нашей работе для первоначального этапа сбора большого массива данных в качестве информантов привлекались слабослышащие и CODA, что позволило исключить ошибочное толкование слов. Все информанты заполняли социолингвистическую анкету, в которой нужно было указать место проживания, степень владения жестовым языком, возраст и пол. Кроме того, информантам предлагалось отметить наличие либо отсутствие расхождений в жестах, используемых в разных регионах и их мнение о необходимости нормативирования РЖЯ. Перед видеозаписью информантам предоставлялся список слов и проводилась предварительная экспертная беседа, в ходе которой учитывались комментарии и предложения носителей жестового языка.

Фактор лингвистической фиксации современного РЖЯ

В настоящее время существуют бумажные словари РЖЯ, онлайн-словари и корпус текстов. Количество жестов в них крайне неоднородно, например, в словаре В. З. Базоева [Базоев и др. 2020] представлено около 3000 жестов и 2260 словесных эквивалентов к ним, в словаре Р. Н. Фрадкиной «Говорящие руки» [Фрадкина 2001] — 1480 жестов. Некоторые словари относятся к тематическим или учебным, другие отражают региональную специфику (например, в словаре Фрадкиной представлены жесты московского диалекта, в корпусе Новосибирского государственного технического университета выделяется общий сибирский диалект). В рамках нашего проекта было отобрано примерно 850 наиболее частотных лексических единиц РЖЯ для региональной верификации посредством видеофиксации жестов в четырех городах Восточной Сибири (Красноярск, Иркутск, Абакан, Кызыл) и последующего их сопоставления. Данные города в масштабах страны нельзя назвать удаленными друг от друга, и количество расхождений жестов может послужить подтверждением наличия либо отсутствия единого сибирского диалекта РЖЯ. Сформированный тезаурус был систематизирован по основным частотным тематическим группам: «Природа и погода», «Флора и фауна», «Вопросительные

жесты», «Местоимения», «Время», «Знакомство», «Фразы для общения», «Семья», «Внешность», «Действия и состояния», «Дом и обстановка», «Магазин и покупки», «Продукты и питание», «Одежда и обувь», «Цвета», «Транспорт», «Полиция и суд», «Досуг», «Профессии» и «Эмоции». Собранный эмпирический материал стал основой для создания мультимодального корпуса региональных вариантов РЖЯ на территории Восточной Сибири. На этапе составления базового словника было принято решение опираться на лингвистические особенности РЖЯ. Так, падежные формы личных и притяжательных местоимений не представлены в корпусе ввиду отсутствия падежной парадигмы в РЖЯ. С другой стороны, жесты, которые в РЖЯ номинируют параллельно прилагательные, существительные, наречия, в корпусе представлены в качестве соответствующих жестов нескольких слов разной морфологической отнесенности (*злой* и *злость*, *любовь* и *любить*). Для ряда слов приведены контексты и словосочетания (*большой мяч*, *вести концерт*, *вести за руку*), поскольку многие конкретные имена существительные демонстрируются сообразно размерам с помощью более широкого разведения рук, а при использовании многозначных глаголов звукового русского языка в РЖЯ применяются разные жесты.

Мультимодальный электронный корпус региональных вариантов РЖЯ на территории Восточной Сибири представляет собой коллекцию жестов, дифференцируемых в соответствии с их локализацией по региону/городу, в котором используется определенный вариант жеста. В корпусе предусмотрена возможность поиска слова с произвольной фильтрацией, благодаря чему при вводе первых букв в поисковую строку появляется список всех слов, которые начинаются на данные буквы или содержат их. Слова разделены на группы в соответствии с начальной буквой и разбиты на категории в соответствии с тематикой. Слову звучащего языка соответствуют видеофрагменты четырех городов, предусмотрена возможность увеличить видео и уменьшить скорость воспроизведения на 25, 50 или 75 % (см. рис. 1).

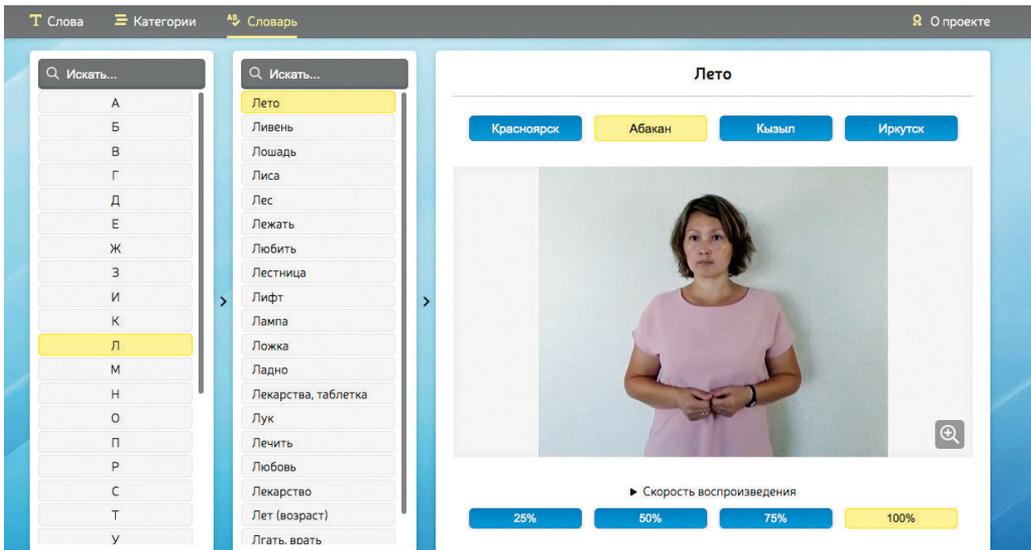

Рис. 1. Пример запроса. Источник: Корпус региолектов РЖЯ на территории Восточной Сибири

Полученные данные показывают, что на территории Восточной Сибири РЖЯ имеет довольно высокую степень вариативности, которая затрагивает все представленные тематические группы. В лингвистике жестовых языков выделяют лексическую, фонологическую и морфосинтаксическую вариативность [Lucas et al. 2001]. Исследование мофорсинтаксической вариативности подразумевает анализ грамматических структур и синтаксических отношений, что не предполагалось в рамках настоящего исследования. Фонологическая вариативность связана с параметрами жеста — локализацией (место исполнения жеста; частным случаем локализации является сеттинг, который представляет собой более конкретное место исполнения, например возле носа), конфигурацией (форма руки), ориентацией (направление ладони), характером и направлением движения, ролью второй руки (участие второй руки, симметричность) и немануальными компонентами (артикуляция, выражение лица). Случаи, когда жест отличается по одному из указанных параметров, относятся к фонологической вариативности. Следует отметить, что локализация жеста на уровне груди считается нейтральным пространством и не учитывается. Лексическая вариативность представляет собой использование жеста, который отличается по всем параметрам. Результаты сопоставительного анализа показали, что общая вариативность жестов в четырех городах Восточной Сибири приближается к 35 %, при этом половину из них составляют жесты с лексической вариативностью. Более сложным является системное сопоставление жестов по городам, например, частотны случаи, когда один жест в двух городах одинаков, в третьем отличается конфигурация, а в четвертом используют другой жест (рис. 2–5).

Рис. 2. Г. Иркутск

Рис. 3. Г. Красноярск

Рис. 4. Г. Кызыл

Рис. 5. Г. Абакан

Источник: Корпус региолектов РЖЯ на территории Восточной Сибири.

На представленных photographиях информанты демонстрируют жест *вода*. В Иркутске и Красноярске жест совпадает по всем параметрам, в Кызыле изменяется конфигурация жеста, а в Абакане жест отличается по всем параметрам. Таким образом, жест, используемый в Кызыле, можно назвать субвариантом, фонологически отличающимся от жестов в Красноярске и Иркутске. Единственное слово, лексически различающееся во всех четырех городах, — *веревка*. В данном случае совпадает только характер движения, а также во всех городах кроме Иркутска жест показывается в нейтральном пространстве. Наиболее вариативным параметром жеста является конфигурация. Из представленных тематических групп можно выделить четыре, демонстрирующие большое количество расхождений: «Вре-

мя», «Еда», «Флора и фауна», «Действия и состояния». В тематической категории «Действия и состояния» вариативность в большинстве случаев фонологическая, в то время как жесты тематической группы «Еда» и номинации животных разнятся в основном лексически. Результаты сопоставления подтверждают полученные в ходе анкетирования информантов данные. В частности, многими носителями отмечается, что жесты, обозначающие такие слова, как *шоколад*, *колбаса* и *кошка*, отличаются в разных регионах. Эмпирические данные, полученные в ходе работы над созданием корпуса, показывают довольно высокую степень вариативности в рамках одного крупного региона. Важно отметить, что фонологическая вариативность не влияет на взаимопонимание, а в случае лексического несовпадения жестов слово дактилируется, что также способствует беспрепятственному общению. Все информанты при заполнении социолингвистической анкеты отметили необходимость стандартизации РЖЯ, 95 % сошлись во мнении, что за основу следует взять московский вариант. С другой стороны, наличие вариативности отмечается практически во всех жестовых языках мира, она отражает региональную специфику. В любом случае, мультимодальный формат корпуса региональных вариантов РЖЯ помимо выполнения словарной функции, может стать актуальным «слепок» текущего состояния лексического состава РЖЯ на территории Восточной Сибири.

Выводы и перспективы исследования

Мультимодальность как свойственная любой коммуникации характеристика особенно ярко проявляется в общении с глухими, поскольку предполагает взаимодействие комплекса знаковых систем. Создание мультимодального корпуса региолектов РЖЯ базируется на использовании вербальных и невербальных каналов. Документирование наиболее частотных жестов, используемых носителями РЖЯ в республиках Хакасия, Тыва, Красноярском крае и Иркутской области, позволило выявить степень вариативности, достигающей 35 %. Данные варианты и субварианты жестов можно разделить на лексические и фонологические. Основанием подобной дифференциации служит наличие параметров жеста — локализации, ориентации, направления и характера движения, конфигурации и, в ряде случаев, использования второй руки. Лексические жесты отличны по всем параметрам и составляют примерно 17 %. Фонологическая вариативность подразумевает наличие вариативности по одному из параметров жеста. В выделенных тематических группах слов наибольшее количество расхождений демонстрируют следующие: «Время», «Еда», «Флора и фауна», «Действия и состояния».

Высокая вариативность жестов в рамках крупного региона показывает, что исследование территориального варьирования лексики РЖЯ является актуальным направлением в современной российской жестовой лингвистике. Дальнейшее развитие электронного корпуса региолектов может осуществляться в нескольких направлениях. Перспективным видится расширение словарного состава за счет увеличения количества лексем в выделенных в настоящей работе тематических группах. Полученные данные следует верифицировать также на большем количестве носителей жестового языка с учетом таких факторов, как гендер, возраст, место проживания, место обучения, степень глухоты.

Словари

- Базоев и др. 2020 — Базоев В.З., Гаврилова Г.Н., Егорова И.А., Ежова В.В., Давыденко Т.П., Чаушьян Н.А. *Словарь русского жестового языка*. М.: Флинта, 2020. 525 с.
- Фрадкина 2001 — Фрадкина Р.Н. *Говорящие руки: тематический словарь жестового языка глухих России*. М.: Сопричастность, 2001. 589 с.

Литература

- Анисимова 2003 — Анисимова Е.Е. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*. М.: Академия, 2003. 128 с.
- Боскис 2004 — Боскис Р.М. *Глухие и слабослышающие дети*. М.: Советский спорт, 2004. 304 с.
- Детинко, Куликова 2017 — Детинко Ю.И., Куликова Л.В. *Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурса-анализа*. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 166 с.
- Крейдлин 2002 — Крейдлин Г.Е. *Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык*. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.
- Магировская, Привалихина 2019 — Магировская О.В., Привалихина Е.С. Лексический уровень жестового языка как особая система номинации (на материале американского и русского жестовых языков). *Мир науки, культуры, образования*. 2019, 4 (77): 389–391.
- Прозорова 2007 — Прозорова Е.В. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования. *Вопросы языкознания*. 2007, (1): 44–61.
- Chen, Tai 2009 — Chen Y., Tai J. H. Y. Lexical variation and change in Taiwan Sign Language. In: *Taiwan Sign Language and beyond*. Tai J. H. Y., Tsay J. (eds). Chia-Yi: The Taiwan Institute for the Humanities, National Chung Cheng University, 2009. P. 131–148.
- Chernyavskaya, Kulikova 2020 — Chernyavskaya V., Kulikova L. V. Multimodalität im sozio-kulturellen Kontext: mit Bildern reden, Bilder verstehen. *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi — Studien zur deutschen Sprache und Literatur*. 2020, (43): 19–38.
- Johnston, Schembri 2007 — Johnston T. A., Schembri A. *Australian Sign Language (Auslan): An introduction to sign language linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 323 p.
- Kulikova, Shatokhina 2020 — Kulikova L. V., Shatokhina S. A. Sociocultural and linguistic contexts of the Russian Sign Language functioning in Krasnoyarsk Krai. *Humanities and Social Sciences*. 2020, 13 (3): 296–303.
- Lucas et al. 2001 — Lucas C., Bayley R., Valli C. *Sociolinguistic Variation in ASL (Sociolinguistics in Deaf Communities. Vol. 7)*. Washington, DC: Gallaudet University Press, 2001. 237 p.
- Saussure 1959 — Saussure F. A. *Course in General Linguistics*. New York: Philosophical Library, 1959. 161 p.
- Penn, Reagan 1994 — Penn C., Reagan T. The properties of South African Sign Language: Lexical diversity & syntactic unity. *Sign Language Studies*. 1994, (85): 319–327.
- Schermer 2003 — Schermer G. M. From variant to standard: An overview of the standardization process of the lexicon of Sign Language of the Netherlands over two decades. *Sign Language Studies*. 2003, 3 (4): 469–486.
- Vanhecke, Weerdt 2004 — Vanhecke E., Weerdt K. D. Regional variation in Flemish Sign Language. In: *To the lexicon and beyond: Sociolinguistics in European deaf communities*. Washington, DC: Gallaudet University Press, 2004. P. 27–38.

Статья поступила в редакцию 22 декабря 2020 г.
Статья рекомендована к печати 13 сентября 2021 г.

Ludmila V. Kulikova

Siberian Federal University,
82A, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russia
info_ifiyak@sfu-kras.ru

Sofya A. Shatokhina

Siberian Federal University,
82A, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russia
sshatokhina@sfu-kras.ru

Regiolects of the Russian sign language: A multimodal electronic corpus (based on the communicative space of Eastern Siberia)*

For citation: Kulikova L. V., Shatokhina S. A. Regiolects of the Russian sign language: A multimodal electronic corpus (based on the communicative space of Eastern Siberia). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (4): 750–759. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.407> (In Russian)

The article reflects the results of a study focused on the variable features of Russian sign language (RSL) in a large region of Eastern Siberia. The work analyzes the modern sociolinguistic landscape of regional variants of RSL and describes the specifics of its functioning in such subjects as Krasnoyarsky Krai, Irkutsk Oblast, Tyva and Khakassia Republics. The main scientific and practical result of the study of RSL regional variants is presented in the format of developing an electronic multimodal corpus of sign language for a large region of Russia in the amount of 600–800 signs for each territory based on marking the most frequent signs that coincide in the subregions of Siberia, as well as being semiotically differentiated according to the selected territories. Thus, the proposed material summarizes the experience of conducting institutional and linguistic monitoring of RSL representation in the region and creating an electronic platform for the assembled corpus of signs. The use of sign language is considered as one of the analogues of multimodal communication. At the same time, the term “multimodality” is also applied to the format of the platform, which is designed on the basis of several channels of information transmission and manifests itself in the integrality of various technological modes. The novelty of the study lies in the analytical, theoretical and applied examination of the insufficiently studied and described variants of RSL of the Eastern Siberia region and in the possibility of their linguistic documentation based on electronic material fixation.

Keywords: Russian sign language, word-sign, regional variability, multimodality, communication channels.

References

- Анисимова 2003 — Anisimova E. E. *Linguistics of the text and intercultural communication (based on creolized texts)*. Moscow: Akademiia Publ., 2003. 128 p. (In Russian)
- Боскис 2004 — Boskis P. M. *Deaf and hard-hearing children*. Moscow: Sovetskii sport Publ., 2004. 304 p. (In Russian)
- Детинко, Куликова 2017 — Detinko Iu. I., Kulikova L. V. *Political communication: An experience of multimodal and critical discourse analysis*. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi unstitut Publ., 2017. 166 p. (In Russian)
- Крейдлин 2002 — Kreidlin G. E. *Non-verbal semiotics. Body language and natural language*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 581 p. (In Russian)

* The study was supported by Russian Foundation for Basic Research, project number 20-012-00321/21 “Regional sign languages: multimodal electronic corpus (based on the communication space of Eastern Siberia)”.

- Магировская, Привалихина 2019 — Magirovskaia O. V., Privalikhina E. S. The lexical level of sign language as a specific system of nomination (The case of American and Russian sign languages). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. 2019, 4 (77): 389–391. (In Russian)
- Прозорова 2007 — Prozorova E. V. Russian sign language as a subject of linguistic research. *Voprosy iazykoznaviia*. 2007, (1): 44–61. (In Russian)
- Chen, Tai 2009 — Chen Y., Tai J. H. Y. Lexical variation and change in Taiwan Sign Language. In: *Taiwan Sign Language and beyond*. Tai J. H. Y., Tsay J. (eds). Chia-Yi: The Taiwan Institute for the Humanities, National Chung Cheng University, 2009. P. 131–148.
- Chernyavskaya, Kulikova 2020 — Chernyavskaya V., Kulikova L. V. Multimodalität im sozio-kulturellen Kontext: mit Bildern reden, Bilder verstehen. *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi — Studien zur deutschen Sprache und Literatur*. 2020, vol. 43: 19–38.
- Johnston, Schembri 2007 — Johnston T. A., Schembri A. *Australian Sign Language (Auslan): An introduction to sign language linguistics*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2007. 323 p.
- Kulikova, Shatokhina 2020 — Kulikova L. V., Shatokhina S. A. Sociocultural and linguistic contexts of the Russian Sign Language functioning in Krasnoyarsk Krai. *Humanities and Social Sciences*. 2020, 13 (3): 296–303.
- Lucas et al. 2001 — Lucas C., Bayley R., Valli C. *Sociolinguistic Variation in ASL (Sociolinguistics in Deaf Communities. Vol. 7*. Washington, D. C.: Gallaudet University Press, 2001. 237 p.
- Penn, Reagan 1994 — Penn C., Reagan T. The properties of South African Sign Language: Lexical diversity & syntactic unity. *Sign Language Studies*. 1994, (85): 319–327.
- Saussure 1959 — Saussure F. A. *Course in General Linguistics*. New York: Philosophical Library, 1959. 161 p.
- Schermer 2003 — Schermer G. M. From variant to standard: An overview of the standardization process of the lexicon of Sign Language of the Netherlands over two decades. *Sign Language Studies*. 2003, vol. 3 (4): 469–486.
- Vanhecke, Weerdt 2004 — Vanhecke E., Weerdt K. D. Regional variation in Flemish Sign Language. In: *To the lexicon and beyond: Sociolinguistics in European deaf communities*. M. Van Herreweghe & M. Vermeerbergen (eds). Washington, D. C.: Gallaudet University Press. 2004. P. 27–38.

Received: December 22, 2020

Accepted: September 13, 2021